

В. А. Кутырев¹ГЛОБАЛИЗМ: ВМЕСТО НАЦИЙ — РЕГИОНЫ,
ВМЕСТО ОБЩЕСТВА — ТЕХНОС

При поверхностном взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, национальных этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Радоваться бы этому! О жизни «без границ и контрибуций» мечтали самые благородные умы. Однако в который раз подтверждается, что реализация некогда желанных целей часто порождает больше проблем, чем решает.

Преобразование человечества в целое амбивалентно с точки зрения его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то те сферы жизни, где самоценны различия, деградируют. На начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Возникает феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их предметной гетерогенности. В отношении общества, если говорить содержательным языком, это интернационализация. В дальнейшем при отсутствии противонаправленных тенденций процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты системы становятся одинаковыми, и вся она — гомогенной. Это глобализация. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее беспокоиться о судьбе наций, культур, традиций, сохранении собственно человечности. Мир давно, по крайней мере с Нового времени, становился единым, но теперь он переходит в органически однородное состояние. Однако это не живой организм, а все более искусственная система, во многом подобная органической.

При втором взгляде на глобализацию мы видим, что ей как будто противоречит, противопоставляет регионализация. Если глобализм — это «конец истории» как духовной и личностной формы жизни людей, когда мир превращается из состояния «цветущей сложности» в однообразный «мир-экономику», то кажется, что регионализация увеличивает разнообразие и многоцветье мира. Она предстает «движением к множеству», направленным против единой, стирающей социально-культурные различия между нациями и народами глобализации. Такой вывод, однако, можно сделать, если смотреть на ситуацию «внешне», блуждая в трех соснах и не дальше хода e2–e4. Если же взглянуть глубже, то регионализация, ведущая к раздроблению национальных государств, служит тому, что эти регионы станут легкой добычей глобализма. Регионы

легче «проглотить», у них нет исторических корней, их идентичность в значительной мере сконструирована, причем обычно на экономических основаниях (более богатый регион хочет пользоваться благами отдельно от остальных частей страны). Или просто на каких-то произвольных, нередко странных, иллюзорных и поверхностных, но «других основаниях», детерминированных интересами транснациональных корпораций. Недалекие европейцы толкуют о «Европе регионов», не додумывая, чтобы не пугать себя последствиями, что это образование придет на смену «Европе наций», ее национальных культур, национальных традиций, национальной истории.

По своей глубинной сути регионализация — это механизм разрушения этнокультурных форм существования человечества. Это диалектически коварная форма глобализации в виде движения по ленте Мёбиуса к конечной «кластеризации» мира, когда стираются границы между государствами, внутри государств, между культурами, религиями, нациями и даже полами. Образуется всеобщий космополитический «микс», части которого если и различаются, то на новых, нетрадиционных принципах: «пространственно», корпоративно, внеисторически, постэтнически. Если провести аналогию с идеями К. Маркса, то осуществляется мировоззренческий переход от конкретно-потребительной стоимости вещей/явлений к их абстрактному денежному выражению, в котором исчезают все особенности вещей. При получении торговой прибыли топор и мешок пшеницы уравниваются друг с другом, если продаются по одной цене. Так и люди — все одинаковые, кроме разницы в величине приносимой ими прибыли. Это называется «капитализацией человека». Если воспользоваться терминологией Ж. Деррида, то мы являемся свидетелями перехода от различия вещей/людей/обществ к их различанию. От качества к количеству. И когда говорят о региональной идентичности, то опять-таки не договаривают, что она будет *вместо* национальной. Постнациональной. А фактически не будет никакой, так как ее не на чем основывать, кроме как на разнице уровней экономического развития. В дальнейшем все эти поиски обернутся ликвидацией какой-либо идентичности и торжеством общемирового техноэкономического стандарта, то есть глобализацией. Глобализация — не одномоментный, а многоуровневый поэтапный процесс, в котором регионализм может стать или уже является ее частью. Троянским конем.

Если посмотреть на глобализм в третий раз — не только диалектически, но и сущностно, то это процесс технологизации мира с заменой духовно-ценностных регуляторов жизни внешним контролем. Глобализм означает, что способом бытия человека становятся технологии, особенно по мере распространения Hi-hume технологий. Современная цивилизация предполагает целерациональные отношения между людьми, а это, по сути, технологический подход к миру,

¹ Профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культура и технология: борьба миров», «Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества)», «Человеческое и иное: борьба миров», «Бытие или Ничто», «Время Mortido», «Последнее целование. Человек как традиция» и др.

даже если он еще не воплотился в «железо» или товар. Сейчас она устремилась к своему идеалу: некоему саморазвивающемуся, все более производительному социотехническому образованию, в котором человек — только средство этого развития. Идеальным воплощением глобализма-технологизма являются виртуальные коммуникационные процессы в медиасфере. На повестке дня — технологизация всего и вся, вплоть до процессов творчества. В пределе, если исключить «пережитки культуры» и взять глобализм в действии, это состояние, когда все вопросы регулирования жизни решаются технологически (социо- и психотехники, сексуальные технологии, техника общения и т. п.). Возникает глобальная цивилизация универсальных систем и сетей (цусс). Или пусть будет — *Технос*, как глобальная открытая цивилизация, сначала раздробленная на регионы, а потом единая — это уже *пост-общество*. Или, если воспользоваться понятием, введенным А. Зиновьевым, — технологически регулируемый челове(йни)к.

По мере роста возможностей технологического манипулирования людьми культура как духовность, как механизм поддержания их социальности устаревает, становится ненужной. Отмирает и личность, и даже «актор» (функциональный, но самостоятельный индивид), на смену им идет то, что от них остается: техноиды. Человеческий фактор (социотехнической системы) — зомби (мыслящий без о-сознания, зачем и для чего мыслит), агент (компьютерных сетей), персонаж (виртуальный концепт человека). Для традиционного общества, живого и исторического человека это означает процесс «*деградации в новое*», завершающей стадией которого будет техночеловек (гомутер) — киборг, биоробот, просто робот. Если в перспективе и вместе — робове(йни)к?

Технос не просто сфера наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как когда-то культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Если при приеме на работу практикуют предварительное тестирование и проверку на детекторе лжи, то совесть и профессиональная честь большой роли не играют. Если брак заключают как контракт, а ребенок рождается от «совокупления» шприца с пробиркой, то вопрос о любви и чувствах людей снимается. Все решается «извне», в том числе в интимно-внутренней жизни, в сфере духа. Вместо воспитания и образования личности возникает (следите за реформами в образовании) «управление знаниями», которое с легкостью перерастет в информационное и психопрограммирование вплоть до деконструкции и перекодирования. Наиболее последовательные техноиды мечтают об изначальном конструировании человека — о дизайн-бэби.

Замену хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «-изм» отражает переход к жизни без оценки поступков с точки зрения греха и воздаяния, добра и зла, прекрасного и безобразного. Главное — не нарушать правила игры, требующие из всего извлекать пользу, вписываться в потребности дальнейшей

го роста производства и совершенствования техники. В традиционных обществах спорили о высоких целях, в глобальном постобществе — о высоких технологиях и комфорте, которые стали целями человечества. «Комфорт» по-русски синоним «удобства». Цели современного человека, провозглашаемые в том числе и в России на государственном уровне, — «удобства». Чтобы как можно больше и как можно ближе. Их наличие отождествляется со счастьем.

Внешнеполитические дискуссии о «масштабах» глобализма заглушают другую опасность для Homo sapiens, исходящую со стороны технологической экспансии, уничтожающей наш традиционный образ жизни, субъектность, этничность и какую-то, пусть и остаточную, но свободу. Возникающий технологический человек, бурно протестуя против ограничения свободы национально-культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Лишение индивида имени, замена его номером и тем более «клеймение» всегда воспринималось как надругательство над достоинством человека. Но если номер обещают ставить лазерным лучом и хранить в компьютере, то у «прогрессивной общестственности» особых возражений нет. Протестуют консерваторы, фундаменталисты и прочие антиглобалисты. Слежка за гражданином, наружное наблюдение и письменные доносы — тоталитаризм, стукачество, но если посредством телекамер просматриваются целые кварталы, это воспринимается как необходимость обеспечения общественной безопасности. Обыск в форме ощупывания одежды руками отвергается как нечто унижительное (хотя теперь его открыто практикуют), но если по телу водят электронной палкой, все стоят как покорные бараны. И т. д. Лишь бы не со стороны живых людей, не от имени культуры, а техникой — и защитники прав и свобод соглашаются на самый тотальный контроль.

Современные либералы и прогрессисты незаметно, возможно, для самих себя, перерождаются в техно(идов)кратов. Так называемое открытое гражданское общество становится поли-техническим, оно закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционные, национальные и культурные, различия лишь в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая. Идущие в авангарде прогресса страны — за(от)крытые образования, идеалом которых является «электронное общество», фактически электронный концлагерь типа Сингапура. В нем отброшены главные ценности буржуазной демократии: право на частную жизнь, невмешательство государства в дела семьи, тайна личных отношений и т. д. *В условиях глобализма политическая демократия заменяется технократией.*

Глобальное распространение технологий NBICS не сопровождается сдерживающими регуляторами. Они даже не обсуждаются. Или обсуждение есть, но минимальное, несоизмеримое с без(д)умной болтовней о благах, вплоть до виртуального бессмертия, которые по(на)стигнут людей. Или оно сопровождается фаталистическими заклинаниями, что «прогресс не остановишь». Как от смерти не уйдешь, хотя че-

ловек противится этой неизбежной перспективе. Мы окажемся в антиутопии New brave world как зомби, незаметно, что, однако, станет концом (нашего) света. Глобальный челове(йни)к — это общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала XX века. Одни с упованием, другие с ужасом. Технологическое постобщество — это и есть конец истории, точнее, *конец социально-культурной истории человечества*, в ходе которой сформировался традиционный Homo sapiens как разумное, но телесное, чувственное, ценностно-духовное, а не виртуально-информационное существо. Очевидно, что все считающие себя представителями этого типа бытия должны бороться за сохранение наций и культур. Кажется бы, защитники демократии и прав человека в свете таких тенденций должны рвать на себе волосы и биться головой о стену, но мы видим почти олимпийское спокойствие, они оживляются, только когда речь идет о культурных ограничителях, особенно если те нужны ради продолжения человеческого рода. Современные либералы, сами того не замечая (в изумлении от коварства истории, повторим еще раз), стали сторонниками тоталитаризма, только не политического, а технологического. *Знамя свободы выпало из рук прогрессистов (фаталистов), отныне его несут консерваторы (защитники свободы).*

Глядя на эти тенденции, любой честно мыслящий автор — невольник, понуждаемый объективными обстоятельствами, обязан признать, что *вместо deca-*

dence (утрата воли к жизни), о котором в свое время писал Ф. Ницше, наступают ценности mortido (отказа от жизни и воли к смерти). Под лозунгами прав человека, регионализма, политкорректности и толерантности господствуют ценности самоотрицания и техницизма, идеология автогеноцида. Человечества! Его Бытия! Именно из-за давления этих сил человека пора заносить в Красную книгу. Потому что он становится традицией, сохранение которой равнозначно продолжению его дальнейшего существования.

Сегодня, когда провозглашенная в постмодернизме «смерть человека» воплощается на практике, когда началась революция мутантов, задача ответственной философии заключается в том, чтобы побуждать людей преодолевать охвативший весь мир стихийный технологический глобализм в пользу управляемого развития (*controlled development*) и общества, основанного на мудрости (*wisdom based society*). Хотя бы бороться за него. *Наше положение безнадежно, значит надо (с) делать все, чтобы его изменить.* Задачей философии становится раскрытие закрываемых техногенной катастрофой мировоззренческих глаз человечества. Смысл и надежду на продолжение его существования (при) дает борьба за то, чтобы *остановить без(д)умную истерию инновационизма!* Опираясь, в том числе в духе археоавангарда, на новейшую науку, которая допускает бытие возможных миров и полагает любое развитие многовекторным. **Нужна консервативная идеология сопротивления.** Так продлимся...